

ЦЕРКОВЬ И МІРЪ

Современная жизнь съ трагической остротой ставитъ вопросъ о земной Церкви, о томъ, гдѣ ей быть: въ мірѣ ли согрѣшившемъ и, чѣмъ дальше, тѣмъ больше устраивающемся безъ Бога или въ той удаленной отъ міра сферѣ, которая должна быть охвачена исключительно спасеніемъ души, отвращаясь отъ сложныхъ и мучительнѣйшихъ проблемъ мірскаго человѣческаго бытія, а слѣдовательно и отъ всей полноты человѣческой личности съ ея двойной — земной и небесной — природой?

Сколько нибудь исчерпывающій и всесторонній отвѣтъ на этотъ вопросъ возможенъ лишь въ широкой разработкѣ самой темы, требующей и всесторонняго ея освѣщенія. Но приходится коснуться его, правда, очень отрывочно и схематично, хотя бы въ тѣхъ рамкахъ, въ которыхъ онъ фактически ставится передъ нами каждый день, поскольку вопросы вѣры и жизни смущаютъ, волнуютъ, наконецъ, порою совершенно затуманиваютъ человѣческое сознание, въ частности, сознание тѣхъ русскихъ людей, которые имѣютъ доступъ къ ихъ свободному обсужденію.

Именно въ плоскости этихъ обсужденій мы и сталкиваемся съ однимъ весьма рѣзкимъ противорѣчіемъ, характернымъ не только для очень взбудораженной эмигрантской церковной современности, но для многовѣковаго періода нашего русскаго церковнаго прошлаго.

При всякой попыткѣ постановки внутри христіанства социальной проблемы, выдвигается очень ожесточенный отпоръ, отпоръ какъ будто крѣпко мотивированный:

Церковь — установленіе надмірное. Можно ли ее, снижая съ ея высотъ, погружать въ гушу мірскаго суеты?

«Міръ во злѣ лежитъ». Слѣдовательно, всякая попытка переустройства жизни человѣческаго общества на основахъ христіанскаго ученія есть заблужденіе и соблазнъ, ибо мы только

«странники и пришельцы» на этой землѣ и чрезмѣрное о ней попеченіе можетъ лишь **повредить душѣ**. Въ подтвержденіе приводятся съ одной стороны тексты изъ Новаго Завѣта: «Если мѣръ вась ненавидитъ, знайте, что Меня прежде вась возненавидѣлъ»; «не любите мѣра, ни того, что въ мѣрѣ»; «земля и всѣ дѣла на ней сгорятъ», и многіе другіе, какъ будто бы несомнѣнно утверждающіе обязательность презрѣнія къ земному бытію.

Съ другой стороны даются убѣдительные примѣры истинности такого міровоззрѣнія — житія и наставленія святыхъ аскетовъ, возненавидѣвшихъ «плоть человѣка и плоть мѣра сего.

Ужъ если мѣръ настолько поврежденъ грѣхомъ, что «княземъ мѣра» сего сталъ діаволь, то о какомъ же преобразеніи мѣра, хотя бы даже частичномъ, можетъ думать христіанинъ? Это такъ же бесполезно, какъ сметать пыль съ проѣзжей дороги. У христіанина должна быть только одна цѣль — спасеніе своей собственной души. Всѣ остальные заботы и заданія проистекаютъ отъ горделиво самонадѣянныхъ помысловъ, слѣдовательно, отъ грѣха.

И вотъ, наряду съ такимъ опредѣленнымъ міровоззрѣніемъ, въ русскомъ благочестіи мы видимъ другую прямо противоположную установку: сугубое вниманіе церковнаго начала къ мірскому кесарю и къ утверженію величія его земного царства.

Оказывается, что нельзя говорить о социальной несправедливости — соблазнительно и суетно стремиться къ установленію самой минимальной правды на землѣ, долженствующей въ чемъ то облегчить тяжкую участь человѣка, — ибо социальная несправедливость есть нѣкій **богоустановленный** порядокъ, но можно и даже должно пешихъ о власти кесаря и о прочности его царства.

Малѣйшая попытка ослабить социальное зло есть недопустимое для церковныхъ людей «вмѣшательство въ политику», а забота объ утверженіи или, какъ теперь, о возстановленіи монархическаго строя и всѣхъ имущественныхъ и прочихъ привилегій верхнихъ слоевъ прежняго русскаго общества не есть «вмѣшательство въ политику», а нѣкая прямая и даже священная задача Церкви.

И получается въ нашей эмигрантской дѣйствительности нѣчто чудовищно несообразное:

Тѣ самые представители Церкви (даже епископы), которые всякое упоминаніе о социальномъ христіанствѣ считаютъ религіознымъ «модернизмомъ», даже ересью, — пишутъ статьи и читаютъ лекціи на политическія темы...

Эта несообразность, впрочемъ, не есть индивидуальное чье-то проявленіе. Въ индивидуальныхъ ея проявленіяхъ въ наше

время лишь съ особенной остротой вскрывается и обличается какая-то вѣковая искривленность и поврежденность не самихъ вѣроучительныхъ истинъ, раскрытыхъ Церкви Духомъ Святымъ, а ихъ чисто человѣческаго практическаго, вѣрнѣе, педагогическаго примѣненія.

**
*

Въ религіозномъ чувствѣ вѣрующихъ есть два основныхъ момента, опредѣляющихъ и отношеніе къ Богу и отношеніе къ міру и къ человѣку:

Любовь и страхъ.

Любовь — начало динамическое, творческое; она всегда проявляетъ себя въ дѣйствіи, она не боится ни препятствій, ни потрясеній, не останавливается ни передъ какою жертвой, ибо «совершенная любовь иягоняетъ страхъ». Въ любви устремленность къ Богу сильнѣе боязни грѣха: — любовь «все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ», — и всеобъемлющая мысль о Христѣ и вѣчномъ Его Царствіи въ любви преобладаетъ надъ ужасомъ передъ геенной.

Любовь Ап. Павла достигаетъ такой силы, что онъ готовъ на величайшую изъ жертвъ — быть «ради братій» отлученнымъ отъ Христа.

Въ чувствѣ же религіознаго страха на первомъ планѣ — вѣчныя муки, напряженно боязливая мысль о гибели **собственной души**, а отсюда мнительная боязнь грѣха и соблазна, ежеминутное опасеніе сдѣлать неосторожный шагъ, поскользнуться, пасть, запачкаться объ нечистоту міра. Страхъ — начало статическое, консервативное, часто толкающее на жестокость «съ благими цѣлями».

Любовь или страхъ опредѣляютъ и качество аскезы, ея паеосъ и содержаніе.

Бороться съ грѣхомъ можно изъ любви и изъ страха. Любовь взираетъ на сіяющій Ликъ Богочеловѣка; страхъ больше направляетъ свое пытливо-подозрительное вниманіе въ бездну зла и грѣха. Въ страхѣ чувство формальной отчетности, и отвѣтственности передъ закономъ заповѣдей, провѣрочный контроль, именно **умерщвленіе** себя, умерщвленіе своей плоти, враждебно ненавистническое отношеніе къ ней и ко всему падшему міру.

Любовь отвращается отъ грѣха ничуть не меньше, а даже больше страха, но совершенно иначе. Именно любовь знаетъ слезную боль своего человѣческаго несовершенства; не измѣряя, не подсчитывая грѣха, она до муки пронзается сознаниемъ

и ощущеніемъ его безмѣрности въ себѣ самомъ, чувствомъ своего недостойнства; она сама себя осуждаетъ прежде всякаго суда.

Когда Ап. Петръ, охваченный человѣческой слабостью, въ моментъ растерянности испуга, отрекся отъ Христа во дворѣ первосвященника, а потомъ «исшедъ вонъ плакася горько», то это были именно слезы кающейся любви, которая не помышляетъ ни о какомъ наказаніи извнѣ, но сама въ себѣ, въ собственномъ терзаніи своемъ себя осуждаетъ, и умерщвляетъ свой грѣхъ не педагогическимъ умерщвленіемъ своего «я», путемъ сознательно наложенной на себя кары, а произвольной, неизбѣжной пронзенностью всего своего существа, мукой своего паденія и признаніемъ своего ничтожества передъ Любимымъ.

И Учитель знаетъ силу Петровой къ Себѣ любви, какъ знаетъ и слабость падшей человѣческой природы, когда передъ учениками задаетъ ему (для Сердцевѣдца ненужный) вопросъ: «Симонъ Іонинъ! любишь ли ты Меня больше, нежели они?» Костры инквизиціи, какъ и борьба Русской Церкви съ раскольниками послѣ Никоновой реформы и самосжиганіе раскольниковъ, кидавшихся въ пламень, чтобы уберечься отъ Антихриста — слѣдствіе страха, дошедшаго до слѣпоты, до жестокой паники, страха убивающаго въ себѣ и въ другихъ любовь и вѣру въ любовь.

Страхъ парализуетъ всякую творческую активность, развивая активность исключительно охранительную — выслѣживающую и пресѣкающую; одинаково избѣгаетъ оглядываться далеко назадъ, какъ и смотрѣть далеко впередъ.

Страхъ боится исторіи, самаго развитія и движенія историческаго процесса и вызываемыхъ имъ неизбѣжныхъ измѣненій, перемѣненій, а тѣмъ болѣе потрясеній и катастрофъ.

Когда религіозный страхъ, утративъ паѳосъ суроваго аскетическаго подвига, вырождается въ обывательскую опасливость, обывательскую подозрительную оглядку по сторонамъ, онъ больше всего стремится закрѣпить въ неподвижности ту или иную уже имѣющуюся **данность**. И не только данность религіозно-церковнаго міровоззрѣнія, строя и быта, но и данность существующаго соціального и политическаго устройства.

Данность всегда оправдывается и какъ бы канонизируется **давностью** — извѣчной основой всякаго упорнаго консерватизма. И эта охраняемая данность не только не терпитъ никакой переоцѣнки своему существу, но противится сопоставленію себя съ иной, за вѣка ей предшествовавшей, данностью.

Воспринятое отъ ряда поколѣній есть «священное наслѣдіе отцовъ».

Въ силу давности, чисто человѣческой порядокъ, хотя бы онъ носилъ самую очевидную печать грѣха, сплошь и рядомъ выдается за богоустановленный порядокъ.

Богоустановленнымъ казался Ивану Грозному его кровавый деспотизмъ; богоустановленнымъ считали нѣкоторые помѣщики крѣпостное право; наконецъ, даже зависимость Православной Церкви отъ свѣтской власти тоже не только воспринималась въ прошломъ, но оцѣнивается кое-къмъ и въ настоящемъ, какъ богоустановленный, а слѣдовательно благой и единственно желательный образецъ церковнаго бытія.

**
*

Всякая попытка добросовѣстной постановки вопроса о должномъ отношеніи Церкви къ міру и о положеніи Церкви въ мірѣ, обязываетъ насъ оглядываться не на церковную только данность, укрѣпленную давностью многихъ вѣковъ (хотя мы и должны съ нею всемѣрно считаться, какъ съ большимъ и сложнымъ историческимъ образованіемъ), но прежде всего на изначальную жизнь христіанской Церкви въ ея подлинно богоустановленной черезъ Апостоловъ изначальной природѣ.

Сохранивъ неповрежденными истины вѣры, мы и сейчасъ опредѣляемъ Церковь какъ единое Тѣло Христово, имѣющее Единую Главу — Богочеловѣка Христа, Сына Божія. Мы называемъ ее собраніемъ вѣрующихъ.

Но христіанская Церковь первыхъ временъ своего существованія не только называлась, но и была въ дѣйствительности собраніемъ вѣрующихъ, объединенныхъ единствомъ жизни во Христѣ, осуществленіемъ не только мистической, но и конкретной, реальной соборности.

Первохристіанская Церковь въ лицѣ своихъ руководителей — епископовъ и пресвитеровъ — была настолько органически сращена съ обществомъ вѣрующихъ, что ни пастыри ни паства не мыслили себя раздѣльно другъ отъ друга, а тѣ и другіе вмѣстѣ составляли Церковь, были ея истиннымъ тѣломъ. Самое понятіе Церкви опредѣлялось именно какъ совокупность всѣхъ истинно вѣрующихъ во Христа; никогда какъ духовенство или высшая церковная власть, въ чемъ то обособленная отъ своихъ пасомыхъ, общающаяся съ ними лишь въ таинствахъ и направляющая ихъ духовно-нравственную жизнь со стороны.

Христіанинъ не принадлежалъ также къ Церкви, какъ теперь, только по конфессіональному признаку: онъ жилъ въ Церкви. Церковно и внутри Церкви опредѣлялось его отношеніе и къ Богу и къ людямъ. Все остальное было внѣшнимъ, вто-

ростепеннымъ, лежавшимъ за оградой истиннаго бытія и истинныхъ отношеній христіанина.

Христіанская Церковь ранней эпохи, если и противопоставляла себя міру, то только міру чуждому, языческому, а отнюдь не христіанскому. И въ этомъ отношеніи христіанинъ тогда никакъ не могъ именоваться **міряниномъ** въ нашемъ теперешнемъ смыслѣ этого слова, т. е. человѣкомъ лишь частично въ чемъ-то связаннымъ съ Церковью, во всемъ же остальномъ живущимъ въ міру — въ нѣкоей чуждой Церкви стихіи, а слѣдовательно, не могъ считаться кѣмъ-то качественно противоположнымъ **духовнымъ** людямъ — священству и монашеству, которые по преимуществу пребываютъ въ Церкви.

Жизнь въ Церкви для первыхъ христіанъ, при всемъ неизбежномъ различіи ихъ индивидуальныхъ даровъ и качествъ, заключалась не въ обособленномъ устремленіи каждаго къ своему собственному личному спасенію, а именно въ общей **соборной** обращенности всѣхъ къ Богу, а черезъ Бога и въ Богѣ другъ къ другу.

Живя напряженнымъ эсхатологическимъ ожиданіемъ — и не парализующимъ страхомъ втораго пришествія Христова и послѣдняго суда, а радостнымъ призывомъ — «Ей гряди, Господи Иисусе!» — первые христіане, конечно, хорошо знали, что «міръ во злѣ лежитъ», преслѣдовавший и гнавшій ихъ со всей жестокостью языческой міръ. И имъ особенно легко было принять завѣтъ: «не любите міра, ни того, что въ мірѣ».

Но какъ принять?

Зная, что «міръ во злѣ лежитъ», они знали и другое — самое важное **всеопредѣляющее** для христіанской вѣры, христіанской жизни, христіанскаго отношенія къ міру:

«Богъ такъ возлюбилъ міръ, что отдалъ Сына Своего Единороднаго».

Какъ же согласовать это «не любите міра» съ Божіей любовью къ міру, съ Божественной Жертвой за міръ, съ воплощеніемъ Сына Божія, принявшаго «зракъ раба» и **вознесшагося въ преображенной человѣческой плоти на небо?».**

Эта проблема черезъ девять вѣковъ послѣ Рождества Христова стоитъ передъ нами съ большей сложностью и остротой чѣмъ передъ первыми христіанами...

«Міръ во злѣ» не значитъ еще, что міръ есть зло. Зло есть поврежденность падшаго міра, его болѣзнь. Тѣло человѣческое не есть зло, но оно можетъ «лежать во злѣ» болѣзни, покрыться зломъ какого нибудь страшнаго недуга, напимѣръ, проказы. И къ больному человѣку, какъ и къ больному міру можетъ быть проявлено двоякое отношеніе: въ страхъ, чтобы не зара-

зять себя, не повредить себя, бѣжать отъ больного съ брезгливымъ отвращеніемъ, или безбоязненно, во имя любви, идти ему навстрѣчу, даже пожертвовать собою, какъ это дѣлають, напримѣръ, врачи и сестры милосердія, поселяющіеся въ колоніяхъ для прокаженныхъ.

Христось прикасался къ прокаженнымъ, исцѣляя ихъ. Христось, къ великому негодованію судейскихъ благочестивыхъ законниковъ, бываль съ грѣшниками, мытарями, блудницами, говоря: «не здоровые имѣють нужду во врачѣ, но больные».

Въ мірѣ, рядомъ съ грѣхомъ, посреди грѣха, наконецъ, въ грѣхѣ есть нѣчто безгранично драгоцѣнное — человекъ — созданіе Божіе, образъ Божій. Но и самый міръ, весь космосъ, есть тоже созданіе Божіе и, какъ таковое, онъ прекрасенъ, онъ не можетъ быть зломъ самъ по себѣ, онъ лишь во злѣ лежитъ.

Первые христіане очевидно знали что въ мірѣ нужно любить и отъ чего слѣдуетъ отвращаться, ибо при самомъ терпѣливомъ отношеніи къ собственнымъ невздамъ и страданіямъ, они не могли равнодушно относиться къ невздамъ и страданіямъ себѣ подобныхъ.

Пусть «преходитъ образъ міра сего» пусть, и можетъ быть очень скоро, «земля и всѣ дѣла на ней сгорять», но сегодня еще есть время строить не только свою личную, но и церковную, т. е. христіанскую общественную жизнь на основѣ заповѣданной Христомъ любви и заботы о ближнихъ.

Не только первая іерусалимская апостольская община существовала на принципѣ полного отказа отъ «богоустановленнаго» права личной собственности, но и при дальнѣйшемъ распространеніи христіанства, уже за предѣлами Іудеи, въ языческомъ мірѣ строй жизни вѣрующихъ глубоко отличался во всемъ отъ окружавшаго ихъ, нормированнаго языческимъ законодательствомъ, порядка.

Что это было такъ, мы можемъ судить по однимъ только посланіямъ Ап. Павла.

Отдавая «кесарево кесарю», т. е. подчиняясь всѣмъ внѣшнимъ требованіямъ и законамъ Римскаго государства, Апостоль училъ, что несогласія и споры въ средѣ самого христіанскаго общества должны и разрѣшаться внутри его — т. е. внутри Церкви, безъ обращенія къ языческому суду и закону. Въ вопросахъ имущественнаго положенія христіанъ Апостоль не утверждалъ «богоустановленности» сосуществованія богатства и нищеты. Онъ призывалъ не къ отдѣльнымъ только и случайнымъ дѣламъ благотворительности, а къ совершенно определенному принципу христіанской общественной жизни.

Во 2-мъ посланіи къ коринѣянамъ, уговаривая ихъ послѣ-

довать примѣру македонянъ въ дѣлѣ взаимной помощи христіанскихъ общинъ другъ другу, Апостоль пишетъ:

«Не требуется, чтобы другимъ было облегченіе, а вамъ тяжесть, но чтобы была равномѣрность. Какъ написано: кто собралъ много, не имѣя лишняго и кто мало, не имѣя недостатка».

Правда, Апостоль дальше объясняетъ, что онъ обращаетъ свою просьбу къ коринѣянамъ «не въ видѣ повелѣнія, но усердіемъ другихъ испытывая искренность вашей (коринѣянъ) любви».

Вотъ эти послѣднія слова, которыя въ корнѣ отличаютъ проблему христіанскаго соціального переустройства міра отъ матеріалистическихъ соціальныхъ ученій, конечно, могутъ послужить для проповѣдниковъ «богоустановленности» соціальной несправедливости кажушимся основаніемъ ихъ правоты.... Но вѣдь и все ученіе Христа не есть приказъ, а только призывъ къ человѣческой свободѣ, обращенность къ сердцамъ съ указаніемъ пути добровольнаго подвига, именно **испытаніе искренности любви тѣхъ**, которые хотятъ слѣдовать за Нимъ. Потому и Ап. Павелъ заканчиваетъ свою просьбу къ коринѣянамъ слѣдующими словами: «ибо вы знаете благодать Господа нашего Иисуса Христа, что Онъ, будучи богатъ, обнищалъ ради васъ, дабы вы обогатились Его нищетою».

Посланіе Ап. Павла обращено ко всей коринѣской Церкви, къ **общественно-церковному сознанию вѣрующихъ**; оно указываетъ на общественный долгъ всѣхъ христіанъ, а не cadaго лишь въ отдѣльности, ибо жизнь Церкви во всей своей полнотѣ осуществляется не только молитвой ея членовъ, но и живой, воплощаемой въ дѣйствіи вѣрой, живая же вѣра есть любовь ко Христу:

«Если любите Меня, соблюдайте Мои заповѣди», — говоритъ Христосъ въ прощальной бесѣдѣ съ учениками (Іоан. гл. XIV) и опять повторяетъ: **«Кто имѣетъ заповѣди Мои и соблюдаетъ ихъ, тотъ любитъ Меня».**

Вѣра есть любовь, и заповѣди — тоже любовь, потому что Богъ есть Любовь, а все христіанство — исполненіе завета любви.

Не только въ Новомъ, но уже въ Ветхомъ Заветѣ, въ законѣ, данномъ «жестоковѣйному» народу Израильскому, положена эта божественная основа. Но окаменѣлый формализмъ учителей іудейскихъ, мертвое поклоненіе мертвой буквѣ, изсушенность духа ритуаломъ и уставомъ, гранитными пластами закрыли величайшую заповѣдь Божию. Христосъ, нарушающій суботу, возстанавливаетъ истинную іерархію цѣнностей древняго закона и полагаетъ во главу угла забытую основу, соединяя въ

ней оба Завета — неветшающее въ Ветхомъ сливается съ Новымъ.

На вопросъ книжника о первой и большей заповѣди, Христось отвѣчаетъ (Матѳ. XXII, 37-39, Марк. XII, 30-31):

«Возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ (и всею крѣпостию твоею).

Сія есть первая и наибольшая заповѣдь.

Вторая же подобная ей: возлюби ближняго твоего, какъ самого себя.

На сихъ двухъ заповѣдяхъ утверждается весь законъ и пророки».

Говоря: «Я пришелъ не нарушить законъ, но исполнить», Христось утверждалъ не ритуальное омовеніе чашъ и блюдь, не формальное почитаніе субботы, а именно **синтезь закона**, неколеблемый его фундаментъ — заповѣди Церкви.

Этотъ фундаментъ легъ въ основу и первохристіанской Церкви.

И именно первохристіанскій міръ зналъ и ощущалъ неразрывность обѣихъ заповѣдей — неисполнимость первой безъ второй и второй безъ первой:

«Кто говоритъ: я люблю Бога, а брата своего ненавижу», — пишетъ въ своемъ первомъ посланіи (IV, 20) Ап. Іоаннъ Богословъ — «тотъ лжець: ибо не любящій брата своего, котораго видитъ, какъ можетъ любить Бога, Котораго не видитъ?».

Иначе и быть не могло. Раскрывая доступное человѣческому разумѣнію о Второмъ Своемъ пришествіи и Страшномъ Судѣ, Христось прямо указываетъ, что Послѣдній Судъ будетъ судить мѣру исполненія или неисполненія именно этихъ двухъ заповѣдей, причемъ забвеніе любви къ ближнему будетъ определено какъ забвеніе любви къ Богу, а проявленіе любви къ человѣку будетъ принято, какъ проявленіе любви къ Богу (Матѳ. XXV, 34-46).

Весь земной путь христіанина есть **испытаніе искренности любви** къ Христу, а завершеніе этого испытанія — **Послѣдній Судъ Христовъ**.

Любовь испытывается не только отношеніемъ къ ближнему, но и къ ближнимъ, къ человѣческому обществу, къ тѣмъ условіямъ, въ которыхъ ближній и ближніе живутъ.

И внутренняя сила первохристіанской Церкви и заключалась въ принятіи обѣихъ заповѣдей Божіихъ, въ стремленіи соблюсти правду ихъ нераздѣлимости.

Когда Византийская Имперія объявила христіанство господствующей религіей, для Церкви наступилъ тяжкій переломный моментъ, гораздо болѣе опасный цѣлостной полнотѣ ея бытія, нежели всѣ самыя ожесточенныя гоненія первыхъ вѣковъ.

Дотолѣ міръ языческой и міръ христіанской существовали внутренне раздѣльной жизнью, во всякомъ случаѣ въ лицѣ наиболѣе вѣрныхъ членовъ Церкви.

Какъ ни высока была древняя классическая культура, сколь ни совершенно было въ юридической своей структурѣ римское право — это были языческая культура и языческое право, хотя и достигшія вершинъ своего развитія. И власть кесаря и идея величія кесарева царства были наслѣдіемъ и созданиемъ языческой Римской Имперіи. Принятіе христіанства не измѣняло основной природы языческаго государства и его главы, не преобразовало ихъ изнутри, а только освящало извнѣ, частично смятая одно, сглаживая другое.

Въ этомъ колоссальномъ по своему значенію, по сложнымъ своимъ послѣдствіямъ сдвигѣ, наступившемъ въ исторіи христіанства, были огромныя приобрѣтенія: и прекращеніе гоненій на вѣру и возможность широкой и открытой проповѣди и болѣе тѣсное сближеніе съ эллинской философійей, обогатившей и углубившей христіанское богословское творчество. Наконецъ, торжество христіанской вѣры открыло эпоху вселенскихъ соборовъ.

Конфессиональная область христіанства именно съ этой поры получаетъ свое развитіе.

Но параллельно произошло и другое.

Христіанская жизнь, въ какомъ то отношеніи сдвинувшись со своихъ прежнихъ основъ, понесла большія утраты. Византийская Имперія, принявъ вѣру, фактически не приняла Церкви во всей ея полнотѣ, иначе говоря языческое государство и языческое общество не сдѣлались христіанскими по духу и по строю жизни. Церковь, до тѣхъ поръ таившаяся отдѣльными оазисами въ чуждой ей стихіи языческаго міра, не овладѣла имъ до конца, а сама растворилась въ немъ, не будучи уже въ состояніи противопоставить себя ему какъ цѣлое, какъ извѣстную общественную среду, строящую свои взаимоотношенія на заповѣдяхъ Христовыхъ, а не на языческомъ законѣ.

Отнынѣ освященное царство кесаря, неизбѣжно державшееся на старыхъ языческихъ устояхъ, стало именоваться царствомъ христіанскимъ, а слѣдовательно, языческое право, языческія понятія и отношенія тѣмъ самымъ приобрѣтали силу гос-

подства, искажая и ослабляя христіанскія понятія и христіанскій законъ любви.

Сколь бы ни были сами по себѣ слабы и несовершенны христіане въ массѣ своей, входившіе въ Церковь первыхъ вѣковъ, была цѣнна отчетливость ихъ христіанскаго сознанія, отчетливость понятій, опредѣлившихъ должный строй христіанской жизни.

Въ освященномъ извнѣ языческомъ царствѣ эта прежняя отчетливая различимость двухъ противоположныхъ началъ — Божія и Кесарева — должна была мало по малу утрачиваться, пока не утратилась совсѣмъ.

И именно отъ этого сліянія міра христіанскаго и міра языческаго, съ Кесаремъ во главѣ, **произошелъ трагическій для христіанства разрывъ неподлежащаго раздѣленію онтологическаго единства двухъ заповѣдей — о любви къ Богу и человѣку.**

Каждый отдѣльный христіанинъ въ частномъ личномъ порядкѣ, внутри себя, могъ хранить цѣлостность этого христіанскаго закона, но во всемъ окружающемъ строѣ новаго бытія она нарушалась дѣйствиємъ освященнаго языческаго строя жизни.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ разрушалась полнота Церкви, и внутри ея самой произошелъ разрывъ — нарушение — прежняго единства пастырей и паствы. Государство, озаботившись официальнымъ исполненіемъ первой заповѣди Божіей, т. е. конфессиональной стороны христіанства, поручило, подъ своей опекой, слѣдить за ея соблюденіемъ **выдѣленному изъ цѣлостнаго тѣла Церкви духовенству.**

Отнынѣ вѣрующій христіанинъ только частью своей личности принадлежалъ Церкви, а въ остальномъ сталъ принадлежать міру, т. е. государству и, построенному этимъ государствомъ, обществу. Иначе говоря, онъ сталъ христіаниномъ по конфессиональному признаку и **міряниномъ** по строю своей жизни и своихъ отношеній.

При такихъ условіяхъ **Церковь въ концѣ концовъ неизбежно должна была стать институтомъ духовенства, духовной властью;** въ одномъ случаѣ самостоятельной, построенной по образу и подобию языческаго государства какъ на Западѣ, въ другой — ограниченной и стѣсненной Кесаремъ, какъ на Востокѣ; нѣкимъ вѣдомствомъ этого Кесаря.

Говоря о Церкви, какъ о духовной власти, приходится различать двѣ природы власти, въ данномъ случаѣ въ ней соединившихся. Одно — власть, данная Христомъ Своимъ Апостоламъ: «аще что свяжете на земли будетъ связано на небеси», власть надъ грѣховной и больной человѣческой природой, власть

божественнаго происхожденія отъ Духа Святого, прямое назначеніе которой есть служеніе дѣлу Христову въ мірѣ. И другого духа и порядка власть, отъ которой Христось предостерегаетъ Своихъ учениковъ: «вы знаете, что князья народовъ господствуютъ надъ ними и вельможи властвуютъ ими, но между вами да не будетъ такъ: а кто хочетъ между вами быть **большимъ**, да будетъ вамъ слугою» (Матѳ. XX, 25-27).

Христово предостереженіе повторяетъ и Ап. Павелъ, давая епископамъ завѣтъ руководить вѣрующими «не господствуя надъ стадомъ».

Но поскольку Церковь сблизилась съ языческимъ міромъ и восприняла въ себя его стихію, власть второго порядка, т. е. земного происхожденія должна была положить на нее свой отпечатокъ и «господствовать надъ стадомъ» въ той или иной мѣрѣ стало неизбѣжнымъ. Соблазнъ земной властью тѣмъ болѣе легокъ, что для примѣненія ея не требуется никакихъ внутреннихъ качествъ, а только сила принужденія, идущая по линіи воздѣйствія на внѣшніе поступки человѣка.

Въ исторіи христіанства, въ жизни отдѣльныхъ церквей съ поразительной силой выступаетъ одно явленіе:

Чѣмъ ближе становятся внутренно руководители вѣрующихъ къ своей паствѣ, чѣмъ выше духовно они сами, тѣмъ ошутимѣе дѣйствуетъ, преображая души, данная имъ свыше божественнаго происхожденія власть, и исчезаетъ всякая надобность въ примѣненіи власти внѣшняго господства.

Власть отъ Духа Святого обращаетъ къ свободной волѣ человѣка силу своей любви и вызываетъ отвѣтную любовь и добровольное послушаніе закону Христову. Въ этихъ случаяхъ осуществляется полнота истинной церковности. И чѣмъ дальше отстоятъ отъ пасомыхъ ихъ официальные духовные вожди, чѣмъ формальнѣе ихъ руководство, тѣмъ неизбѣжнѣе выступаютъ на первый планъ всѣ мѣры и приемы, осужденнаго Христомъ, земного господства, основаннаго на принужденіи. Тогда духъ подмѣнивается буквой, свободное, добровольное исполненіе — уставомъ, а истинная церковность вырождается въ вѣдомственный надзоръ за внѣшнимъ правовѣріемъ. Параллельно съ этимъ измѣняется и самый духъ религіознаго учительства.

При наличіи подлинной церковности основной двигатель вѣры — Христось и любовь Христова. При церковности только внѣшней, формальной, или искаженной формализмомъ въ духѣ своемъ — главный стимулъ — страхъ. Страхомъ дѣйствуютъ на души, и сугубое удареніе ставится не на вѣчной жизни и вѣчномъ сіяніи Царствія Божія, а на вѣчныхъ мукахъ, на приводящемъ въ содроганіе неугасимомъ огнѣ теенны.

Вѣра, основанная на страхѣ будущаго возмездія, со страхомъ взираетъ и на окружающій міръ. Она начинаетъ видѣть зло во всѣхъ дѣйствіяхъ человѣка; наибольшимъ же зломъ начинаетъ считать его свободу, какъ внутреннюю, такъ и внѣшнюю, ибо въ свободѣ усматриваетъ главный источникъ зла.

И такимъ образомъ возникаетъ желаніе съ одной стороны совершенно отойти отъ міра, наполненнаго грѣхомъ, а съ другой пытаться искоренять этотъ грѣхъ не воздѣйствіемъ на свободную волю человѣка, а максимальнымъ ограниченіемъ или даже полнымъ подавленіемъ свободы.

Любовь къ ближнему перерождается въ полдозрительную боязнь его, какъ носителя заразы грѣха, а иногда въ открытую вражду къ нему.

И вотъ мы видимъ въ исторіи христіанства, особенно на Западѣ, такіе періоды, когда Церковь почти что противопологаетъ любовь къ Богу любви къ человѣку. Человѣкъ настолько скверенъ, что остается только всецѣло поработить его личность духовнымъ властямъ, а страхъ возмездія въ будущей жизни усилить жестокимъ возмездіемъ въ этомъ мірѣ, показать ему «геенну огненную» еще до Страшнаго Суда, здѣсь, на землѣ. Въ дѣлѣ земнаго возмездія со стороны Церкви человѣку за грѣхи приходитъ часто на помощь свѣтская власть. Создается, противное духу заповѣдей Христовыхъ, сотрудничество слугъ кесаревыхъ со князьями Церкви въ дѣлѣ насильственной борьбы уже не столько съ грѣхомъ какъ съ таковымъ, сколько съ кажущимся или дѣйствительнымъ противленіемъ буквѣ внѣшняго церковнаго устава, которымъ нерѣдко подмѣнивается законъ Христовъ.

Наряду со стремленіемъ спасти души, путемъ ихъ порабоженія насильственному послушанію, духовная власть отвращается отъ страданій человѣка въ мірѣ. — «Міръ во злѣ лежитъ» и намъ нечего вмѣшиваться въ его порядки, ибо мы взоромъ обращены къ Богу» — вотъ какъ въ теченіе вѣковъ разсуждала Церковь, въ частности и у насъ въ Россіи. Церковь считала міръ и человѣка въ мірѣ достояніемъ кесаря. Она отдавала ихъ ему съ полнымъ равнодушіемъ къ ихъ участи: тлѣнное земное начало пусть страдаетъ въ тлѣнномъ мірѣ и пусть кесарь отнимаетъ самую жизнь у человѣка, только бы душа его находилась въ вѣдѣніи Церкви.

Равнодушіе духовныхъ властей къ угнетенію человѣческой личности къ вопіющимъ социальнымъ неправдамъ въ сущности своей являлось ничѣмъ инымъ, какъ «повтореніемъ евангель-

ской притчи о «впавшемъ въ разбойника»: **священникъ» и «левитъ» «бывъ на томъ мѣстѣ» проходятъ мимо.**

И вотъ служеніе расторгнутымъ заповѣдямъ Божиимъ пошло по двумъ различнымъ, даже другъ другу противоположнымъ, а въ конечномъ итогѣ и враждебнымъ путямъ.

Съ одной стороны создалось обособленное служеніе Богу въ сторонѣ отъ міра, съ другой міръ по-своему, внѣ Бога, сталъ утверждать любовь къ человѣку и служеніе ему. Послѣднее выродилось изъ гуманизма въ религію человѣкобожества, которая въ свою очередь перенесла свой культъ съ субъекта на объектъ, съ индивидуальности на расплывчато-отвлеченную идею человечества, а затѣмъ, на безликій коллективъ класса, націи, на нѣкое живое тѣсто, которое можно какъ угодно бить и мѣсить ради «великихъ достижений», уже не помышляя не только о полномъ попраніи внутренней и внѣшней свободы людей, но и о ихъ физическихъ страданіяхъ, наконецъ, даже о ихъ массовомъ истребленіи.

**
*

Современная намъ жизнь всѣхъ христіанскихъ странъ насквозь пронизана ожиданіемъ потрясеній и катастрофъ.

Въ Россіи катастрофа уже разразилась семнадцать лѣтъ тому назадъ. Въ сторонѣ отъ мірской жизни стоявшая вѣками Русская Церковь, задавленная властью Кесаря, не уберегла народной души въ «древлемъ благочестіи». Вмѣстѣ съ царствомъ Кесаря, разрушилось и старое зданіе прежней официальной Церкви, «проходившей мимо» народа и его жизни. Въ крови и страданіяхъ новое создается зданіе уже не на принужденіи, а на свободѣ, не на страхѣ, а на любви. Единство пастырей и пасомыхъ приближаетъ изначальную полноту Церкви, которая, какъ въ древнемъ языческомъ мірѣ, среди гоненій и преслѣдованій, лишь во много разъ болѣе ухищренныхъ, устраиваетъ свои оазисы въ чужой и враждебной стихіи. Разрушаются храмы, не остается камня на камнѣ отъ прежней «лѣпоты», но возсоздается **Церковь** потому что утверждаютъ «истинные поклонники», которые поклоняются Богу «въ духъ и истинѣ». И передъ Русской Церковью, очищаемой страданіями, возвышаемой подвигомъ отъ страха къ любви, исторія ставитъ задачу **изнутри преобразовать** окружающій ее враждебный и безбожный міръ, воздѣйствуя на него не внѣшней силой, а только **духомъ и истиною**, только полнотою цѣлостнаго закона Христова о любви къ Богу и къ человѣку.

Несомнѣнно, **узокъ** этотъ путь, и **тѣсны врата** идущихъ въ

міръ для его очищенія, но иного пути нѣтъ. Истинная Церковь, стремящаяся къ изначальной полнотѣ своей, не можетъ идти другимъ путемъ. Объединяя души не только въ мистической, но и въ конкретной соборности, она сможетъ въ конечномъ итогѣ создать то христіанское общество, которое будетъ стремиться не къ формальному утвержденію официально господствующей въ государствѣ вѣры, а къ утвержденію христіанскихъ основъ въ самой жизни.

Не только въ Россіи, но и во всемъ мірѣ, фактически давно уже отвергшемъ Христа, на смѣну христіанству внѣшнему, узко конфессіональному, должно идти дѣйственное, творческое, преображающее человѣческія понятія и человѣческія отношенія христіанство.

Первая Божія заповѣдь безъ второй ущербляетъ вѣру въ Бога, угашаетъ любовь къ Нему.

Та трагедія міра, которую Н. А. Бердяевъ сформулировалъ какъ «достоинство христіанства и недостоинство христіанъ» и есть слѣдствіе раздробленія единого фундамента, даннаго Богомъ человѣческому бытію. Церковь сохранила въ цѣлости истины Христова ученія, но на протяженіи исторіи она во многихъ отношеніяхъ оставалась свѣчей «поставленной подъ сосудомъ». И въ полумракѣ жизни, въ которой продолжали господствовать непреодолимныя христіанствомъ основы языческихъ понятій и языческихъ отношеній, церковные люди, убоявшись зла въ мірѣ, прокляли самый міръ, прокляли всю земную плотъ, какъ бы забывъ о томъ, что міръ есть благое созданіе Божіе, что плотъ міра освящена Боговоплощеніемъ, а плотъ человѣка преображена и вознесена Христомъ...

**
*

До глубинъ русскаго эмигрантскаго сознанія какъ будто не доходитъ совершающееся въ мірѣ. До сихъ поръ это сознаніе продолжаетъ оставаться контуженнымъ русской революціей. Движеніе и развитіе историческаго процесса его пугаетъ; ему хотѣлось бы этотъ процессъ остановить. Оно не хочетъ вдумываться въ судьбы христіанскаго міра и въ судьбу христіанства въ мірѣ, оно отталкивается отъ трагедіи — отъ страданій и искупленія. Въ частности происшедшее и происходящее въ Россіи оно разсматриваетъ съ точки зрѣнія катастрофической утраты прежняго статическаго покоя: разрушены храмы, опрокинутъ старый «благочестивый» бытъ, значитъ погибла Церковь, во всякомъ случаѣ погибаетъ окончательно... И въ паникѣ взгляды обращены не туда, гдѣ «Путь Истина и Жизнь», не къ

преображающей силѣ Христовой жертвенной и дѣйственной любви, а къ мечу кесаря, — въ немъ все спасеніе: мечъ поразить зло и мечъ же утвердить истину...

Какую?

Да вотъ ту самую истину (съ маленькой буквы) официального правовѣрія, которая вѣками опиралась на мечъ и отъ меча же погибла.

М. Курдюмовы.